

Воспоминания академика А. М. Деборина

От публикатора: После принятия Постановления ЦК ВКП(б) о журнале "Под знаменем марксизма" от 25 января 1931 г. академик А. М. Деборин был изгнан из созданного им Института философии. По личному распоряжению Сталина ему было запрещено выступать в печати по философским вопросам. На протяжении 25 лет А. М. Деборина постоянно подвергали проработкам. Только после XX съезда КПСС положение несколько изменилось. Правда, письмо А. М. Деборина на имя Н. С. Хрущёва с требованием отменить позорное Постановление ЦК результата не дало: слишком многие сделали себе карьеру в философии на погромах "меньшевистствующего идеализма". Вместе с тем, в ходе встречи с А. И. Микояном А. М. Деборин получил разрешение издать сборник своих работ. Но в сборник, вышедший под названием "Философия и политика", А. М. Деборину не удалось включить статьи, в которых он защищал свои взгляды от нападок борцов "за большевизацию на философском фронте". Сразу же по выходе в 1961 г. "Философии и политики" А. М. Деборин стал готовить новый том своих статей. Он решил предпослать книге в качестве предисловия свои воспоминания. Однако правда, написанная А. М. Дебориным об истории нашей философии, не могла быть в тот период опубликована. Предлагаем вниманию читателя неопубликованное "Предисловие" А. М. Деборина, пролежавшее почти полвека в его семейном архиве. Этот потрясающий человеческий документ, своего рода "Завещание" Мелье нашего времени, открывает страницы жизни философа, преданного намеренному забвению. Вместе с тем, этот текст является ценнейшим источником по истории отечественной философии советского периода. Особая признательность за предоставленные тексты вдове академика А. М. Деборина Ирине Иезекиилевне.

С. Н. Корсаков

Предисловие

После тридцатилетнего вынужденного молчания советский читатель простит меня за ту самозащиту, которую я позволяю себе сделать на этих страницах, несмотря на то, что такое поведение я лично считаю недостойным уважающего себя автора. Я не имею ни желаний, ни намерения говорить о своей деятельности. Но для того чтобы стала понятной та *катастрофа*, которая произошла со мною и с моими учениками, приходится, к сожалению, кое о чем сказать.

Уголовному преступнику во всем мире дано право на судебном разбирательстве его дела выступать с защитой как самому, так и при помощи адвоката. Пишущий эти (стр. 113) строки был поставлен в худшие условия, чем любой уголовный преступник, несмотря на то, что он никаких преступлений не совершал. На него безбожно клеветали, ему сознательно лживо приписывались всевозможные преступления, его взгляды тысячекратно извращались. Но он был лишен права опровергнуть сыпавшиеся на его голову обвинения. От меня все прежние знакомые и друзья, не говоря уже о сотнях учеников, отвернулись, боясь вести со мною знакомство. Из меня сделали пугало, которого все люди избегали, дабы не быть заподозренным в контрреволюционных связях. Неоднократно блюстители чистоты марксизма справлялись у меня по телефону, почему я не нахожусь еще под замком. Во всем этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что

на протяжении четверти века меня всесторонне прорабатывали. А "проработка" означала, по крайней мере, поскольку дело касалось меня, стремление подвергнуть полному забвению имя и труды человека, поработавшего на ниве отечественной науки более полувека.

Новое поколение воспитывалось в том направлении, что имярек должен быть вычеркнут из списка живых и... мертвых. Труды мои были изъяты из обращения, печататься было запрещено - да и кто отважится напечатать работу человека, которого обвиняли чуть ли не в создании подпольных террористических организаций. До такой степени мое имя при неослабном внимании Сталина усердным трудом его подручных было превращено в страшное пугало. Люди боялись со мною говорить, как будто у меня под сюртуком хранится бомба...

В подлинной науке, не преследующей карьеристских или иных недобросовестных целей, принято, прежде чем вынести свой приговор - положительный или отрицательный - изложить объективно концепцию критикуемого лица, а затем уже после того, как критик ознакомил читателя с точкой зрения автора, подвергнуть его критике, и то, не подозревая его всуе в намерении совершить преступление. Сталин же и его подголоски видели в каждом человеке преступника. Все находилось под подозрением. "Критика" приняла у нас совершенно своеобразный характер. Взгляды автора от читателя скрывались, но его били смертным боем, приписывая автору все, что угодно критику.

Когда человек приближается к своему финишу, у него возникает желание и потребность оглянуться на пройденный им жизненный путь и подвести итоги: что же им сделано в жизни, и не зря ли он коптил небо на протяжении восьмидесяти лет, или, быть может, он недаром прожил жизнь.

Я нахожусь в особом положении. Другие ученые имеют возможность надеяться, что их деятельность будет освещена учеными, которые являются или их учениками, или просто в силу их значения для данной науки. Я не принадлежу к их числу. Никто не отважится написать объективную и справедливую оценку моей скромной деятельности, потому что советского читателя запугали на долгий и долгий срок. Кроме того, еще живы те, кто принимал самое активное участие в этом опозорении и оклеветании человека, который являлся учителем целого поколения, который учил их же марксистской азбуке, и которые, став на ноги, окрепнув в своей лживой и наглой, чрезвычайно вредной для нашей марксистской науки деятельности, чувствуют себя безгрешными сановниками, презрительно смотрящими на простых смертных.

За границей принято издавать так называемые "Selbstdarstellungen", т.е. изложение взглядов самими творцами разных теоретических построений. Мне кажется, что все сказанное дает мне право, как это ни неприятно, самому изложить хотя бы самым кратким образом, чем я жил, за что я был опозорен и опорочен.

Я счастлив, что могу сказать о себе, что, начиная с семнадцатилетнего возраста и по сей день, я остался верен своим социалистическим убеждениям и марксистскому мировоззрению, вопреки всевозможным клеветам, сыпавшимся одно время на мою голову. Марксистом я стал в 1898 году, во время Первого съезда РСДРП в Минске. Весь состав съезда, как известно, был арестован, в том числе, и мой учитель - делегат съезда. Я жил в Ковно (по-нынешнему - Каунас) и был осведомлен о делах, так как сам принадлежал к подпольной организации, в которой я вел пропагандистскую работу (стр. 114) ту. Хотя я был еще совсем юношей, я уже прочитал всю тогдашнюю текущую партийную литературу. Ко времени съезда у меня был уже маленький революционный стаж. Директор школы, в

которой я учился, оказался связанным с жандармским управлением. И вот, несколько товарищей, настроенных революционно, решили выпустить листовку, в которой разоблачить его и пригвоздить к позорному столбу. Мы эту листовку написали и выпустили в свет. Она имела большой успех.

С этого времени началась моя революционная деятельность. В городе моем имелся пригород под названием "Слобода", населенный сплошь беднотой. Большой отряд трудящихся - рабочие-плотовщики, сбивавшие лес в плоты и сопровождавшие их при сплаве по реке Неман в Пруссии, составляли самый нищий слой населения. Наша, еще очень немногочисленная группа молодых социал-демократов, взяла на себя задачу "распропагандировать" их, с тем чтобы через некоторое время возможно было организовать забастовку с требованием улучшения их чрезвычайно тяжелого положения. Работа среди рабочих в то время носила примитивный характер. Первая ступень пропаганды носила чисто просветительский характер. Им читали лекции по истории культуры. Большого успеха мы не имели, хотя рабочие проявляли значительную любознательность. Но наши лекции были чрезвычайно далеки от их непосредственных жизненных интересов.

В 1900 г. я очутился на юге, в городе Херсоне. Здесь я сразу попал в кружок социал-демократов, среди которых были уже и сосланные под надзор полиции. Среди членов группы был Мирон Константинович Владимиров (К. Шейнфинкель), принявший впоследствии большое участие в Октябрьской революции в Петрограде. Он стал крупным финансовым работником, был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б), членом ВЦИК и ЦИК СССР. В состав социал-демократических кружков в Херсоне входил Шахов (имя-отчество запомнил), который выпустил позже брошюру, посвященную партийным делам. В Херсоне имелось сельскохозяйственное училище; среди учащихся было много революционно настроенных юношей. Имелись и подпольные кружки, в которых читались рефераты по вопросам философии и социологии. С рефератом о Н. К. Михайловском и Спенсере пришлось и мне выступить. Я не учился в сельскохозяйственном училище, но был связан с его воспитанниками по "работе". Воспитанником училища был А. Д. Цюрупа, который, хотя и жил и принимал участие в подпольных революционных кружках за несколько лет до моего приезда в Херсон, тем не менее, его "дух" чувствовался и позже. Он играл в течение всей своей последующей жизни большую роль в рядах большевистской партии.

В начале текущего столетия происходили еще значительные бои с народниками. На юге России активную деятельность развил известный в то время "артельных дел мастер" Левицкий, с которым приходилось молодым социал-демократам вести оживленные дискуссии по вопросам марксизма и теоретическим основам народничества, главой которого являлся талантливый публицист Н. К. Михайловский. Левицкий (имя-отчество запомнил) не был крепок в вопросах теории, но он кое-кого увлекал своей фантастической верой в единоспасающее средство от капитализма - в артели, т.е. в кооперацию. Артелями по молодости лет я тоже короткое время увлекался, зато я на личном опыте убедился в их несостоятельности.

Через некоторое время меня вызвал тогдашний херсонский полицмейстер Бессонов и предложил оставить в течение двадцати четырех часов город. Я переехал в Горностаевку Таврической губернии на "кондицию" к богатому помещику. Однако и отсюда меня скоро попросили, так как в Таврической губернии евреям селиться было запрещено. Тем временем наступил срок призыва в армию, и я поехал к себе на родину.

Для военной службы я был признан непригодным. Совершенно естественно, что я здесь снова связался с товарищами по революционной деятельности. Кроме того, я решил сдать при Ковенской гимназии экстерном экзамен на аттестат зрелости. Я был допущен к экзаменам условно, в ожидании получения моей характеристики относительно политической благонадежности. Я хорошо выдержал первые экзамены, написал хорошее сочинение, за которое директор гимназии - реакционер и антисемит – (стр. 115) меня даже публично похвалил. В одно прекрасное утро мне было объявлено, что больше к экзаменам допускаться не буду, так как из Херсона было получено сообщение о моей политической неблагонадежности.

В это же время произошло событие, которое повлекло за собою мой арест. В тюрьме скончался арестованный рабочий. Наша организация решила устроить в связи с похоронами большую демонстрацию с флагами и речами у гроба умершего. В эту ночь было арестовано много народу, в том числе и пишущий эти строки. Меня обвинили в произнесении возмутительной антиправительственной речи. В ту же ночь была арестована Р. Вайнерман, которая угодила в Сибирь, и на честь которой по дороге в Сибирь покушался сопровождавший ее офицер, поплатившийся тут же жизнью.

Жандармы не могли доказать мою виновность: я принял участие в демонстрации, но речи я не произнес. Отсидев короткое время, я был выпущен на свободу, но отдан по распоряжению из Петербурга под надзор полиции. Обо всей этой эпопее была напечатана корреспонденция в "Искре".

Почти в это самое время случилось еще одно событие, которое сыграло известную роль в моей жизни. Живя в Херсоне, мне приходилось бывать часто в Одессе, где у меня завязались связи с тамошней социал-демократической организацией. В 1902 г. произошли крупные крестьянские беспорядки в Харьковской и Полтавской губерниях. Анархистка Оля Таратута, в знак протеста против истязаний "виновных" в этих беспорядках крестьян, бросила в Одессе бомбу в каком-то ресторане. Подробностей этих событий я не помню, но не в них дело. Таратуте так или иначе грозила виселица. И вот в одно утро является ко мне в Ковно Таратута с явкой от Одесской организации с предложением переправить ее за границу. Задача для меня была нелегкая. К этому надо прибавить, что в ту ночь, когда на мое жилище нагрянули жандармы, Таратута ночевала в моем доме. Но, по какой-то счастливой случайности, с нею дело обошлось благополучно, так как мой отец - отнюдь не революционер, но враг власти, выдал ее за свою сестру, предъявив соответствующие документы. Мы Таратуту благополучно при помощи контрабандистов переправили через границу. Однако через несколько дней обнаружилось, что это была важная "преступница", и мне необходимо было срочно исчезнуть.

Я переехал сначала в Варшаву, а оттуда в Германию. Я прибыл в Берлин в 1903 г. Я слушал в Берлине тогдашних знаменитых профессоров - экономистов Густава Шмоллера, Адольфа Вагнера, философов Фридриха Паульсена, Георга Зиммеля, старогегельянца Георга Лассона. В университетских стенах можно было убедиться в узкоклассовом характере официальной буржуазной науки, хвастающей своим беспристрастием, своей объективностью. На самом деле она крайне враждебно всегда относилась к марксизму, но поведение "знаменитых" профессоров в аудиториях университетов свидетельствовало о классовой ненависти буржуазии к рабочему классу. Шмоллер не мог удержаться, чтобы не лягнуть Маркса или Бебеля, что обычно вызывало протесты со стороны русских студентов. Протесты, или вообще недовольство, выражались в шаркании ног, как это тогда было принято. Немецкие студенты, в большинстве отпрыски богатых буржуазных или помещичьих групп, выражали свое удовольствие в подобных случаях топаньем ног. Так отражался раскол общества на два враждебных класса в стенах университета.

В связи с окончанием Второго съезда партии в берлинской колонии русских социал-демократов состоялся доклад о съезде одного из тогдашних лидеров партии (имя докладчика запамятовал). Собрание состоялось в какой-то пивной, как это было принято в то время. В самом разгаре доклада нагрянула полиция и закрыла собрание. Нам удалось связаться по телефону с Карлом Либкнехтом, нашим защитником перед прусской полицией. Появился Либкнехт, и начался торг между ним и полицией-президиумом. Я не знаю, что замышляла полиция, но дело кончилось тем, что нас всех переписали и отпустили.

Однако через несколько дней каждый из нас получил официальную бумажку, в которой было сказано, что имярек в качестве "liistiger Anslander" (обременительного (*стр. 116*) иностранца) подлежит высылке из пределов Пруссии. В результате такого распоряжения русская студенческая колония рассеялась по Бельгии, Швейцарии и др. странам.

Такое событие тогдашняя германская социал-демократическая фракция рейхстага не могла оставить без определенной реакции со своей стороны. Был сделан запрос в рейхстаге, кажется, Бебелем. Ответ держал рейхсканцлер Бюлов, который произнес одну из самых гнусных речей, пересыпанную реакционными выходками и приправленную антисемитскими украшениями, вроде "Verschworer u Schnorer" (заговорщики и попрошайки).

Я направил свои стопы в Швейцарию, где все же легче было жить, и где проживало большинство русских эмигрантов. Я поселился в Берне. Мне пришлось, прежде всего, держать вступительный экзамен в университет на философский факультет, куда я и поступил.

По прибытии в Берн, я вступил в "Группу содействия социал-демократической партии". И тут мне посчастливилось услышать отчет о Втором съезде партии от самого Владимира Ильича Ленина, с которым имел возможность и лично познакомиться. Это было, если память мне не изменяет, в начале 1904 г.

Наша "Группа" по своему направлению была уже большевистски настроена, но не имело еще места настоящей дифференциации, так как в нее входили и меньшевистски настроенные элементы. Как бы то ни было, мы обратились с письмом к Надежде Константиновне Крупской с просьбой направить к нам Владимира Ильича для доклада о Втором съезде партии. Наше ходатайство было уважено. В день приезда Владимира Ильича несколько товарищей пошли на вокзал его встречать. Как сейчас помню, как он соскочил с подножки вагона с небольшим чемоданчиком в руке. Ленину было всего тридцать три года. Он был молод, жизнерадостен и уверен в своей силе. На меня произвели впечатление его скромность и товарищеское отношение к нам - юнцам. Когда кто-то из нас хотел взять у него чемоданчик, он как бы обиделся, не мог допустить такое с ним обращение. Мы с вокзала отправились прямо в пивную на "Langstrasse", где обычно происходили собрания русских колонистов. Ленин с места в карьер ознакомил нас - узкую группу партийцев - с положением дел в партии. То было днем, а вечером того же дня Владимир Ильич сделал доклад для широкой публики по аграрному вопросу, о так называемых "отрезках". Оппонентами выступили представители эсеров, с которыми Ленин легко справился.

Будучи в Берлине, я получил возможность побывать на докладе Августа Бебеля, а теперь, на докладе Ленина, и я нашел, что между ними как ораторами, существует большое

сходство, в отличие от Жореса и Плеханова, на выступлениях которых мне приходилось бывать позже. В то время все докладчики и ораторы выступали без написанного заранее текста. Доклады делались устно, руководствуясь обычно кратким конспектом. У Владимира Ильича в руках тоже был конспект доклада, хотя он и редко в него заглядывал. Речь его лилась без запинки. Ленин принадлежал к той породе ораторов, которые стремятся воздействовать на разум слушателей, а не на чувства. Да и сам он был воплощением разума, логики. Речь его была свободна от специфических ораторских украшений французского стиля. Она была до такой степени убедительна, что железной логике его невозможно было противостоять. Эта его удивительная сила логики привлекала умы и сердца на его сторону.

В Бернском университете моими профессорами были Людвиг Штейн - философ, профессор Гааг - латинист, историки, из которых один такой "ученый", читавший о французской революции, приходил всякий раз в бешенство, когда ему приходилось упоминать имя Марата, которого он иначе не называл, как "Bluthund" (кровопийца). Университетская наука мало что мне дала. Мы воспитывались больше на партийной науке и на индивидуальных библиотечных занятиях.

Будучи еще в России, я был знаком со всеми работами Владимира Ильича и Георгия Валентиновича Плеханова, составлявшими хорошую закуску для дальнейшего продвижения в науке. Я скоро стал выступать с рефератами, как тогда назывались до- (*стр.* 117)клады, и приобрел значительную популярность. С 1905 г. я начал печататься в "Die Neue Zeit", теоретическом журнале немецкой социал-демократии. Я напечатал в этом журнале ряд статей как политического, так и философского характера. Одновременно я стал печататься в русских марксистских журналах. В 1907 - 1908 гг. я написал свою первую книгу "Введение в философию диалектического материализма". Книга вышла в свет только в 1916 г. с предисловием Г. В. Плеханова. Для марксистской книги трудно было тогда, в годы реакции, найти издателя. Книга была издана В. Д. Бонч-Бруевичем в книгоиздательстве "Жизнь и знание".

Мое знакомство с Плехановым состоялось на вокзале в Берне. Мы, русские студенты, бегали на вокзал узнавать последние новости из России. Однажды я увидел на вокзале гражданина, углубленного в чтение газеты и похожего на Плеханова, которого я знал только по портретам. Я был молод, смел. Я подошел к нему и спросил: "Скажите, пожалуйста, не вижу ли я перед собою Георгия Валентиновича?" А он как-то не очень был рад этой встрече, так как шпионы высматривали и ловили таких людей, как Плеханов. Я это понял, и дал ему понять, что я русский социал-демократ и чрезвычайно был бы рад с ним познакомиться. Давайте, я говорю, побеседуем на научную тему, я знаю все Ваши работы. Тогда только началась настоящая беседа, которою оба остались довольны. С этого дня началась наша дружба, которая продолжалась до конца Первой мировой войны; полный разрыв между нами состоялся в дни Октябрьской революции.

Я был решительным противником "оборончества". Плехановский орган "Единство" вызывал у меня отвращение. Я был целиком на стороне В. И. Ленина. Но я все еще надеялся, что Плеханов вернется на путь революционного социализма. Мне больно было потерять Плеханова и как личного друга, и как одного из виднейших лидеров нашей партии.

Г. В. Плеханов прибыл в Петроград и выступил на собрании Совета солдатских депутатов. Речь шла тогда о том, что солдаты не захотели пойти в наступление на немцев, в чем их "уговаривали" оборонцы, стоявшие за войну "до победного конца". В качестве сторонника войны "до победного конца" выступил и Плеханов. Я стоял на трибуне рядом с ним и был

потрясен, когда он призывал солдат к наступлению и одобрил наказание смертной казнью тем, кто в наступление откажется пойти. Прощаясь с ним после его выступления, я совершенно откровенно высказал ему свое возмущение, а он меня обозвал "предателем". С тех пор мы больше не встречались. Но это было уже в 1917 г.

Моя научно-литературная деятельность выразилась в напечатании за время 1905- 1917 гг. ряда работ, направленных против махизма и эмпириомонизма А. А. Богданова. В 1909 г. я напечатал статью под названием "Диалектический материализм", которую внимательно читал Владимир Ильич, законспектировав ее и сделав ряд критических замечаний. Мои противники в разгар проработки "деборинщины" тыкали мне в лицо замечания Ленина, истолковывая их по-своему, а я, напротив, горжусь тем фактом, что Ленин обратил свое внимание на мою юношескую работу и продолжал интересоваться моей дальнейшей научной деятельностью. Из переписки Ленина со своими родными видно, с каким интересом он ждал появления моей книги "Введение в философию диалектического материализма". Если бы у моих проработчиков было бы хоть на одну унцию добросовестности и интереса к науке, они обратили бы внимание на то, что Ленин меня похвалил за мое понимание атома, так как я был одним из первых, по крайней мере в марксистской литературе, кто отверг старое понимание атома как неделимого.

С наступлением реакции 1907 - 1908 гг. интерес к философии чрезвычайно повысился: среди буржуазной интеллигенции стали оживать религиозно-мистические настроения, началось озлобленное идеологическое наступление как на идеологию революции, так и на философский материализм, составляющий теоретическую основу марксизма. Все эти настроения не могли не отразиться на некоторой части социал-демократической интеллигенции, которая начала противопоставлять воинствующему (*стр. 118*) атеизму и материализму так называемое богостроительство. Во главе этого направления стояли влиятельные и талантливые писатели: М. Горький, А. Луначарский, А. Богданов и В. Базаров.

По тому же пути пошел и Н. А. Бердяев, который пытался сочетать марксизм с кантианством, а в дальнейшем скатился к мистицизму. С Бердяевым я познакомился еще до своего отъезда за границу. Он отбывал тогда ссылку в Житомире. Я застал Бердяева за письменным столом, он работал над статьей "Этическая проблема в свете философского идеализма", которая вошла в сборник "Проблемы идеализма". То была "репетиция" будущих "Вех". Для этого сборника были мобилизованы наиболее выдающиеся в то время имена, стоявшие на идеалистических позициях. Он представлял собою нечто вроде энциклопедии идеализма и был направлен против марксизма. Марксизму и его материалистической философии противопоставлялась "чистая наука", истоки которой они находили одновременно в философии Канта, и в особенности, в его этике, и в мистицизме Вл. Соловьева. После моего посещения Бердяева я почувствовал всю фальшь религиозно-идеалистического направления, стал его врагом. Бердяев не импонировал мне ни как человек, ни как "революционер", каким он себя тогда еще считал. В моей голове, бедного юноши, мечтавшего о борьбе за торжество социалистического идеала и готового отдать, если понадобится, жизнь свою за него, недоедавшего, с тем чтобы накопить те несколько карбованцев для поездки в Житомир, чтобы выяснить, в чем расходится Бердяев, а вместе с ним и его товарищи - Струве, Булгаков и Туган-Барановский с ортодоксальным марксизмом, не укладывалось, что социал-демократ живет в шикарном номере шикарной гостиницы и ведет жизнь барина. Уже одно это оттолкнуло меня от его "философии". Не может, как мне казалось, такой человек быть борцом за социализм.

Но я не просто отверг бердяевщину, а стал усиленно заниматься изучением кантианства. Я следил за литературой и на целый ряд книг написал свои отзывы и рецензии. В книге

Луначарского "Религия и социализм" я усмотрел ту же бердяевщину. И, в самом деле, я не видел тогда, и не вижу теперь принципиальной разницы между различными формами религиозного "сознания". В ответ на "Проблемы идеализма" группа марксистов махистского толка (А. Луначарский, В. Базаров, А. Богданов и др.) противопоставила свою энциклопедию под названием "Очерки реалистического мировоззрения" (1904 г.). Авторы стремились ответить на все волновавшие тогда читателя вопросы: были помещены статьи по философии, экономике, эстетике, литературе и пр. Через три года эта группа литераторов издала второй сборник "Очерки по философии марксизма" (1908 г.). Возрождение религиозно-мистических течений мысли в обстановке пессимизма после неудавшейся революции 1905 г. не миновало и ряды марксистов. Можно даже установить, что инициатива в этом отношении принадлежала "марксистам", так как еще в 1898 г. А. В. Луначарский прочел в Киеве реферат "Идеализм и марксизм", в котором заложил "основы" последовавшего через десять лет большого труда "Религия и социализм" в двух томах. На реферате присутствовал Н. А. Бердяев, который отнесся к развитым автором идеям сочувственно. "Религиозный атеизм" Луначарского ничем не отличается от "религиозной мистики" Бердяева. Луначарский учился в Цюрихском университете, где профессором философии состоял Авенариус, у которого он заимствовал свою философскую мудрость. В соответствии со своей махистской установкой, он материализм подменял термином "реализм". В своем труде "Религия и социализм" Луначарский потратил немало сил, чтобы обосновать необходимость новой религии социализма, что не могло не вызвать возмущения в лагере марксистов-материалистов.

Немедленно после выхода в свет работы Луначарского "Религия и социализм" я отозвался о ней в журнале "Современный мир". С рядом блестящих статей против богоискательства и богостроительства выступил Плеханов. Ленин подверг самой суровой критике богостроительство и богоискательство в своих знаменитых письмах к Горькому. Мое скромное участие в этой борьбе выразилось в освещении и критике кантианства, эмпириокритицизма, эмпириомонизма и эмпириосимволизма с точки (стр. 119) зрения диалектического материализма сначала на страницах журнала "Современный мир", а затем в моей книге "Введение в философию диалектического материализма". Помимо литературных "встреч", мне пришлось лично не раз полемизировать с Луначарским и Богдановым на собраниях в Швейцарии. В 1907 г. женевские товарищи пригласили меня для доклада о махизме. Приглашение исходило от Г. В. Плеханова. На моем докладе в качестве оппонентов выступили А. В. Луначарский и А. А. Богданов, т.е. те два лица, против которых в основном был направлен доклад.

Познакомился я в это время и с Алексеем Максимовичем Горьким. В 1906 г. перед своей известной поездкой в Америку он жил некоторое время в Швейцарии на горе Глион. Мне было дано какое-то поручение к Горькому. Я прибыл на Глион, отыскал "виллу", в которой он жил вместе с Марией Федоровной Андреевой, произведшей на меня огромное неизгладимое впечатление своей необычайной красотой. На этой же вилле жил и писатель Леонид Андреев, у которого с Горьким были близкие отношения. Помимо выполненного поручения, у меня, естественно, завязался разговор с Горьким на тему о ходе русской революции и о некоторых теоретических вопросах. Поразил меня Горький своей огромной начитанностью и феноменальной памятью. Хотя мы с Горьким разошлись по теоретическим вопросам, но это не помешало ему отнестись ко мне очень дружески, и мы как-то даже подружились. После революции 1917 г., когда он окончательно переехал в Советский Союз, мы с ним частенько встречались. Я уже указывал на его страстную любовь к книге. Горький часто заезжал в Институт Маркса и Энгельса, где он не мог налюбоваться книгами. Я состоял заместителем директора Института и, в частности, заведовал кабинетом философии, который особенно его интересовал. Я мог давать ему объяснения. Мы с Алексеем Максимовичем несколько раз снимались. Карточки

сохранились в Музее Горького. На одной карточке сняты мы оба, а на другой - Горький, его сын Максим, его секретарь и я; я показываю Алексею Максимовичу книги и объясняю, а он внимательно слушает и рассматривает книги.

Подружился я и с Марией Федоровной. Это была обаятельная женщина и талантливая актриса, пользовавшаяся большой популярностью. В 1894 г. она окончила Московскую консерваторию. В 1898 г. она поступила в Московский художественный театр, откуда ушла в 1903 г., став секретарем Горького. В 1904 г. Мария Федоровна вступила в большевистскую партию. Она принимала активное участие в революции 1905 г. У нее на квартире находился склад оружия. В 1906 г., как сказано, она отправилась вместе с Горьким в США, посетив и ряд европейских стран. Через шесть лет она вернулась нелегально на родину, была арестована и затем отдана под негласный надзор полиции. После Великой Октябрьской революции она выступала в Петрограде в Большом драматическом театре, созданном по ее инициативе. В 1931 г. она была назначена директором Дома ученых, пробыв в этой должности до 1948 г.

С Марией Федоровной мы особенно подружились со времени ее назначения директором Дома ученых. Когда ей приходилось выступать в Президиуме Академии наук с отчетом о своей деятельности, она неизменно считала нужным советоваться предварительно со мною. Впрочем, одно время я состоял членом совета Дома ученых, и как таковой, я до известной степени разделял ответственность за дела Дома ученых. В качестве директора Дома ученых Мария Федоровна пользовалась всеобщим уважением.

Тяжелое время наступило для Марии Федоровны в дни Отечественной войны, когда она вынуждена была оставить Москву и любимое дело - Дом ученых. Ее исключительная преданность своему общественному долгу не давала ей покою. Свой отъезд из Москвы она рассматривала как дезертирство. Дело в том, что наступление гитлеровских захватчиков, их приближение к Москве, поставило перед Президиумом АН задачу спасения жизни стариков-академиков и детей академических работников. Я состоял членом Президиума АН и был крайне озабочен судьбой детей и стариков-академиков. Надо было их эвакуировать из Москвы и Ленинграда. Среди членов Президиума не было согласия в этом вопросе. Некоторые члены его, в том числе вице-президент Отто Юльевич Шмидт, обвиняли меня в паникерстве за мое энергичное отстаивание (*стр. 120*) разгрузки Москвы и Ленинграда от научных работников. Я считал положение слишком серьезным, чтобы примириться с пассивностью части Президиума, и при поддержке тогдашнего управляющего делами АН обратился к секретарю ЦК Компартии Казахстана с просьбой предоставить курорт Боровое в наше распоряжение, на что тот дал свое любезное согласие, обещав всяческую помощь. В Боровое было эвакуировано много детей сотрудников Академии, а из академиков - А. Н. Бах, Н. Д. Зелинский, С. А. Зернов, А. С. Орлов, А. А. Борисяк, Ф. И. Щербатской, Л. С. Берг, В. И. Вернадский, Н. Ф. Гамалея, П. П. Маслов и др. В Боровое же были эвакуированы трое детей Марии Федоровны.

И вот настал момент, когда потребовали от Марии Федоровны, чтобы и она уехала в Боровое. Вот как она описывает в письме ко мне свои переживания, связанные с отъездом из Москвы. Ее настроение характеризует переживания многих советских людей того времени: "Уехала без денег, бросив на произвол квартиру, вещи, книги, рукописи, словом - как сумасшедшая... Меня мучает то, что я согласилась уехать, что я уехала из Москвы, не осталась на посту, что я поддаюсь страху за детей, которые попадут без меня в детдом, где говорят на неизвестном им и трудном казахском языке, где они погибнут, за дочь". Далее, она мне сообщает, что послала в Казань, где тогда находилась часть Президиума с вице-президентом О. Ю. Шмидтом во главе, две телеграммы с просьбой выслать денег, но

ответа не получила. В том же письме (от 8 ноября 1941 г.) она просит меня узнать адрес Надежды Алексеевны Пешковой, живущей в Ташкенте. Ее заботит судьба семьи Горького.

В Боровом Мария Федоровна вела весьма полезную работу по культурному обслуживанию академического населения. И все же она все время пребывания в Боровом тяготилась своей жизнью и только и мечтала о возвращении на свой пост. Наконец, 17 февраля 1942 г. она сообщает мне о получении моей телеграммы с распоряжением Президиума вернуться в Москву. К сожалению, преклонный образ и болезнь, пережитые потрясения так и не позволили долго трудиться, как она мечтала, на посту директора Дома ученых.

Февральская революция (1917 г.) застала меня по дороге из Петрограда в Полтаву в Харькове, где я принял участие в аресте губернатора (кажется, князя Оболенского). Прибыв в Полтаву, я вошел в местную партийную организацию, обнимавшую как меньшевиков, так и большевиков. Однако все члены организации принадлежали к интернационалистам. Одним из активных деятелей партийной организации был Костя Ляхович, женатый на дочери Владимира Галактионовича Короленко Наталии Владимировне.

С Полтавой связан небольшой период моей жизни, но очень тяжелый и радостный одновременно. Меня скоро избрали заместителем председателя Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Дела сложились так, что я стал фактически председателем. Ввиду особого положения Украины предполагалось, что Совет должен возглавлять военный товарищ, бывший председателем Военно-революционного комитета, так как приходилось ожидать выступления белых генералов. Мы с военным товарищем готовились к отпору контрреволюции.

В партийной организации и у нас шли постоянные дискуссии о путях дальнейшего развития революции. С того времени прошло сорок пять лет, срок достаточный, чтобы изгладилась из памяти имена товарищей, с которыми мне пришлось работать. К сожалению, я никогда не вел дневников. Бои в организации были очень острые, так как в ней, как уже сказано, состояли и правые меньшевики, и твердокаменные большевики. Ляхович, игравший в организации большую роль, хотя и принадлежал к интернационалистам, по существу, высказывал довольно умеренные взгляды, и нам часто приходилось расходиться с ним по актуальным вопросам.

В Полтаве в то время был большой военный гарнизон. Время было очень горячее; солдаты только-только получили возможность разорвать цепи рабской дисциплины, тая в себе чувства ненависти к своим мучителям. Офицеры находились под постоянным страхом самосуда со стороны солдат. На мне лежала забота об ограждении офи- (стр. 121) церства от расправы с ними солдат. Обычно дело происходило таким образом. Солдаты, заметив на улице офицера, накидывались на него. Кто-нибудь спешно сообщал в Совет об этом. Тогда я схватывал машину и спешно отправлялся к месту инцидента. Овладеть разыгравшейся стихией было подчас очень трудно, и я сам часто оказывался в опасном положении. Мне приходилось выслушивать оскорбительные возгласы по моему адресу. А иногда и серьезные угрозы. Бывало, в казармах споры между солдатами на политические темы заканчивались дракой с угрозой применения оружия - они все были при оружии. И тогда тоже приходилось выезжать в казармы с целью умиротворения и вмешательства в их споры. Такие выступления приносили мало приятного. Но все же, в целом, могу с удовлетворением констатировать, что драки улаживались и оканчивались примирением.

В сентябре (с 14-го по 22-е) в Петербурге было созвано так называемое Демократическое совещание с целью образования нового Временного правительства. Так как корниловщина

окончилась крахом, старое Временное правительство распалось. В стране происходил явный процесс все большего левения, перехода народных масс на сторону большевиков. Меньшевикско-эсеровский ЦИК Советов надеялся поправить свои дела созывом "Демократического совещания".

Демократическое совещание было подтасовано, или, лучше говоря, фальсифицировано. Достаточно сказать, что городским самоуправлениям было предоставлено 300 мест, земствам - 200, а Советам всего 230 голосов.

Полтавский городской Совет и Полтавский губернский Совет избрали своим делегатом на Демократическое совещание меня. Вопрос на Совещании сводился к тому, следует ли продолжать коалицию с кадетами, или необходимо образовать однородное социалистическое правительство. Голосование было поименное. Я голосовал вместе с большевистской делегацией.

Во время моего пребывания в течение полугода в Полтаве я имел удовольствие часто бывать в доме Владимира Галактионовича Короленко и почти ежедневно с ним беседовать на разные темы. Я уже сказал, что мы с Ляховичем - зятем Короленко - были близки по партийной и советской работе, а Ляхович жил в семье Короленко. Почти каждый вечер после работы в Совете и в партийной организации мы отправлялись к Короленко (я жил в Полтаве без семьи).

Время было бурное, революционное, и естественно, что наши разговоры вращались вокруг актуальных вопросов революционного движения. Мы радикально расходились с Владимиром Галактионовичем. Он был гуманист-идеалист, противник всякого насилия. К происходившим событиям он относился не пассивно, а с болью в сердце. Он переживал малейшее нарушение справедливости к каждому человеку, независимо от принадлежности к тому или другому общественному кругу. Мы были молодые, горячие революционеры. Надо прямо сказать, что в горячие дни борьбы против буржуазии и помещиков, против эксплуататоров, проблемы гуманизма нас мало тревожили. Нам и некогда было задумываться над ними. При таких наших настроениях, отвлеченные идеи справедливости и уважения личного человеческого достоинства и требования "любви" к ближнему казались нам подчас весьма наивными и, во всяком случае, несвоевременными.

Однако образ Короленко врезался в моей памяти навсегда. Он вел борьбу против самодержавия и всех гнусностей буржуазно-помещичьего строя по-своему и встречал общественное одобрение. Иначе говоря, своей мирной деятельностью он подкапывал основы строя довольно основательно. Его мировоззрение отличалось глубокой гуманностью, идеей справедливости и любви к человеку. Короленко не мог понять наш классовый подход к общественным явлениям. Он отстаивал общечеловеческий идеал. Но что привлекало нас к нему, несмотря на глубокие разногласия по вопросам политики и идеологии - это его исключительная терпимость и уважение к человеческой личности. Он возражал спокойно и мягким голосом высказывал свои мысли, не стремясь навязать противнику свои идеи. (стр. 122)

Короленко был просветитель, полагал, что изменить существующие отношения возможно лишь путем предварительной работы, постепенного развития человеческой мысли. Он был противником материализма, будучи, по существу, идеалистом и сторонником теории критически мыслящей личности. Демиургом истории для него была интеллигенция. Короленко в ряду народников занимал особое положение, так как при всей своей вере в

основные идеи народничества он не был догматиком, и конкретные факты жизни заставляли его часто отступать от ортодоксального катехизиса народничества.

А. М. Горький назвал Короленко лоцманом. И действительно, его грузная фигура, курчавая голова и борода, широкие плечи, и вся его осанка кое в чем напоминали не отвлеченного мыслителя, а человека труда.

Я уехал из Полтавы на Демократическое совещание в Петроград. На прощание Владимир Галактионович высказал мне ряд добрых пожеланий, в том числе, пожелание еще свидеться. Но дело обернулось иначе. Я после Совещания остался уже в Петрограде. Я не знаю, что случилось в Полтаве с Ляховичем, знаю только, что он был арестован, что очень огорчило Владимира Галактионовича. Короленко приехал в Киев хлопотать об освобождении зятя, но не успел вернуться, как Ляхович умер от сыпного тифа.

После Октябрьской революции для меня открылись возможности очень активной и плодотворной деятельности, как на поприще науки, так и в области преподавания. Владимир Ильич позаботился о выпуске в свет вторым изданием моей книги "Введение в философию диалектического материализма", которое превратилось в учебник для вузов, выходящий все новыми изданиями. В качестве преподавателя я был приглашен в Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, где преподавал одновременно со Сталиным. Со дня основания Института красной профессуры я был назначен профессором Института. Одновременно я стал также профессором Института научной философии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. В 1921 г. я был избран членом Социалистической (затем - Коммунистической) академии, членом ее Президиума. В том же году я был назначен заместителем директора Института Маркса и Энгельса. Я затрудняюсь перечислить все учреждения, в которых я занимал ответственные посты. Квалифицированных кадров было еще мало, и приходилось тем немногочисленным кадрам, которые к тому времени созрели, трудиться с полным напряжением своих сил.

Я был довольно близок с Серго Орджоникидзе и с Н. И. Бухариным. Орджоникидзе, встречая меня, журил за то, что я продолжаю оставаться вне партии. Ты же, говорил он, на ином положении: ты такой большевик, и не состоишь формально в партии. Да я и сам понимал, что мое место в рядах партии. Я никогда не разделял "платформу" меньшевиков, но так случилось, что я оказался, по крайней мере формально, не столько в рядах меньшевиков, сколько вне большевистской партии. Однажды Орджоникидзе, встретив меня в Большом театре, затащил меня в ложу Сталина, чтобы нас познакомить. И. В. Сталин очень дружески меня принял и стал угощать вином и фруктами, а под конец завел разговор о моем внепартийном состоянии, прибавив, что все члены Политбюро за мое вступление в партию. Разумеется, я не заставил себя долго упрашивать, поблагодарил и немедленно дал свое согласие. Через несколько дней в "Правде" появилась заметка о моем вступлении в партию по специальному постановлению ЦК и без прохождения кандидатского стажа. После этого Сталин несколько раз приглашал меня к себе в ложу, когда он знал, что я в театре.

Я был принят в партию в июле 1928 г., а уже через год я почувствовал, что отношение ко мне изменилось. На каком-то партийном активе В. М. Молотов позволил себе выпад по моему адресу, сказав, что "Деборин воображает себя Энгельсом на Советской земле". Я лично не присутствовал на активе, но не имел основания не поверить товарищу, который был там. Я хорошо понимал, что Молотов сделал это по "поручению" Сталина, а не по своей инициативе. Так называемые "соратники" Сталина не имели собственного мнения и голоса: они беспрекословно исполняли его приказы. (стр. 123)

Узнав об этом выпаде, поводом для которого послужила всего лишь защита мною Энгельса от нападок механистов, я сразу решил, что против меня начинается поход.

Поднявшие знамя восстания против своего учителя молодые товарищи, не имея ничего за душой, кроме того, что они получили от меня, повторяли мои лозунги и идеи, противопоставляя их мне же. Например, самый ходкий товар, на котором они спекулировали, состоял в том, что я якобы не понимаю, что марксизм представлял собою революцию в области философии. А между тем эту истину они узнали впервые от меня. Я развил целый ряд новых идей, которые заслуживали бы обмена мнениями, серьезной дискуссии, но все проходило мимо наших "теоретиков", так как основная задача состояла не в развитии науки марксизма, а в проработке.

С высоты Олимпа грозный Юпитер, который с пренебрежением глядел на копошащихся где-то мелких людишек, преследовал свою цель, которая была столь же далека от науки, сколь небо от земли. Трубный глас, раздавшийся с высоты Олимпа, провозгласил: агу его! постарайтесь хорошенько пошарить в его карманах, может быть, там действительно скрывается если не физическая, то духовная бомба. И люди шарили по всем местам, но, как оказалось, ничего предосудительного не нашли. Тогда было прибегнуто к другой форме сыска. Была послана делегация на предмет выяснения позиции главы зловердной школы или, как говорилось для большей дискредитации - "школки", упустив из виду, что это была школа Ленина.

Мои ученики, Митин, Юдин и Ральцевич предъявили мне от имени Сталина - имя Сталина при этом, правда, не было произнесено, но это было очевидно и так, без слов, ультиматум: чтобы я на публичном собрании объявил других своих учеников - талантливых философов, преданнейших членов партии, врагами народа, троцкистами и террористами, чтобы моими руками уничтожить огромный коллектив научных работников. Я, зная, чем рискую, отверг ультиматум, отказался стать предателем и палачом. Не знаю, почему Сталину понадобилось мое благословение на задуманное им злодеяние.

Но для маскировки необходимо было еще провести дискуссию, чтобы показать перед общественностью наш "демократизм". Решили инсценировать публичную дискуссию, на которой перед всем миром продемонстрировать зловердные действия Деборина и его школы, показать этих "врагов" народа и марксизма воочию, чтобы все убедились в их опасности для страны. Эта "дискуссия", на которую решено было откомандировать трех видных членов ЦК (В. П. Милютин, Е. М. Ярославского и Н. А. Скрыпника), для того чтобы положить Деборина и его друзей на обе лопатки, вылилась в настоящий балаган. Большинство присутствующих на дискуссии состояло из людей, не имевших никакого отношения к философии или марксизму. Сочли нужным собрать сброд из людей, способных кричать во все горло: изменники, предатели, враги народа и проч. В моих ушах по сей день звучит это дикое улюлюканье, с которым нас приняли на собрании.

Все кончилось, как полагалось: осуждением Деборина и его единомышленников как "меньшевиствующих идеалистов". После этого началось страшное гонение на всех нас. Незамедлительно нас изгнали отовсюду, поставив, по существу, вне закона. Весь коллектив был репрессирован. Труды наши оказались столь зловердными, что были изъяты из обращения, были строго запрещены к использованию, а авторы их скоро были преданы полному забвению. Именно это забвение и ставилось целью Юпитером, которому стояли поперек горла люди, так или иначе мешавшие ему занять то место, к которому он стремился.

История не есть бездонная пропасть, куда проваливаются человеческие создания, не оставляя по себе на поверхности земли никакого следа. Есть, конечно, и такие, вероятно, даже много таких. Но наше время сильно отличается от прошлого: Октябрьская революция подняла на недостижимую высоту труд, а вместе с ним и трудящегося человека. Он не просто живет, ведя растительную жизнь, он - член общества, он живет для общества. Поэтому он не может просто исчезнуть с лица земли, на которой он трудился во имя блага всего общества. (стр. 124)

Та группа лиц, о которой я здесь говорю, заслуживает того, чтобы сохраниться в памяти народа. Это были люди, бесконечно преданные интересам рабочего класса, своего народа, коммунистической партии и величественному идеалу коммунизма. Они заплатили своей жизнью не потому, что совершили какие-нибудь неблагоприятные проступки или не были достаточно преданны партии, а как раз наоборот, они погибли именно потому, что были до конца преданы своему идеалу, своим убеждениям, учению марксизма-ленинизма. Они погибли в результате гнусных интриг, зависти к более одаренным и более честным в широком смысле слова.

Мой долг - не дать исчезнуть из памяти людей их именам. К сожалению, нет возможности восстановить их теоретические труды, которые не только были изъяты, но и уничтожены.

Я позволю себе перечислить имена этих товарищей.

Ян Эрнестович Стэн, состоявший одно время в близких отношениях со Сталиным, к которому был вхож в дом. Стэн работал в Коминтерне, был членом Центральной контрольной комиссии ВКП(б). Стэн был один из самых честных людей, каких мне приходилось встречать. Его искренность и откровенность, абсолютное неумение кривить душой выделяли его среди товарищей. Он не способен был уступить Сталину хотя бы формально в чем-нибудь, раз он не был согласен. Я лично был свидетелем столкновения Стэна со Сталиным. Когда началась "критика" деятельности и теоретических установок так называемого "деборинского философского руководства", и Сталин, не высказавшись еще открыто, занимал двусмысленную позицию, Стэн бросил ему в глаза обвинение в том, что он, Сталин, "торгует марксизмом". Разговор происходил по телефону. Должен сознаться, что по моему телу пробежал холод. По окончании разговора я набросился на Стэна: "Что ты натворил? Ты знаешь, чем рискуешь?" Стэн только рассмеялся. Он принадлежал к железной когорте большевиков, не зная ни сомнений, ни подхалимства. Он знал Сталина лучше других и не доверял ему, говоря мне: "Ты увидишь, сколько зла он еще принесет", присовокупляя слова "впрочем, он окончит свои дни под забором".

Николай Афанасьевич Карев - один из талантливейших молодых советских философов. В 1930 г. вышло второе издание его книги "За материалистическую диалектику". В ряде номеров журнала "Под знаменем марксизма" за 1926 г. была напечатана его большая работа "Тектологигромандная эрудиция или диалектика?". Работа эта была посвящена критике богдановской так называемой "организационной науки", имевшей своей философской основой эмпириомонизм. Если ныне мало кто помнит и знает, что такое тектология, то в первые два десятилетия нашего века тектология Богданова, как и другие его взгляды, пользовалась известным успехом. Помимо научной и литературной деятельности, Стэн и Карев, как и другие товарищи, отдавали много времени преподавательской работе.

Иван Капитонович Луппол написал ряд книг, из которых его труды "Дидро", "Ленин и философия" и др. были переведены на иностранные языки. И. К. Луппол за свою научную деятельность был избран действительным членом Академии наук СССР.

Макс Левин - видный биолог. Достаточно только ознакомиться с его статьей "Геккель" в 1-м издании "Большой советской энциклопедии", чтобы получить представление о его громадной эрудиции и о его приверженности диалектическому материализму. В 1912 г. он примкнул к Цюрихской группе содействия РСДРП. Выступал против мировой войны. В 1918 г. руководил движением "Спартак" в Баварии и участвовал в создании там организации КПГ. В 1919 г. был главным военным комиссаром Баварской советской республики. С 1921 г. работал в СССР в Комакадемии.

Борис Михайлович Гессен: талантливый физик-марксист - диалектический материалист. За свою научную деятельность был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Из его работ укажем здесь "Основные идеи теории относительности".

Израиль Яковлевич Вайнштейн, написавший большой том под названием "Гегель. Маркс. Ленин" и ряд статей против богдановщины, помещенных в журналах "Под знаменем марксизма" и "Вестник Коммунистической академии" (1924 - 1925 гг.). Если поз- (стр. 125) волено будет сказать несколько слов об этом "террористе" (по провокационному заявлению Митина), то я могу охарактеризовать Вайнштейна как *святого человека*, как ни странно могут показаться в моих устах такие слова. Для этого человека ничто в мире не существовало, кроме учения марксизма-ленинизма. Он не проявлял никакой заботы о материальных интересах, вообще о чем-либо "земном", существовал для науки о социализме-коммунизме. И этот человек исчез с земной поверхности. Имя его мало кому известно. Книга его была изъята из обращения, и ее найти нельзя. Впрочем, зачем нужен Вайнштейн, раз есть воплощение всей человеческой мудрости в одном лице. Остальные люди излишни, можно обойтись без них. Человек - ничтожный "винтик". А между тем, как раз в социалистическом государстве человек представляет собою по существу *творца*, созидателя великих ценностей.

Григорий Самуилович Тымьянский - начальник кафедры философии в Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева. Талантливый ученый, выпустивший в 1930 г. книгу под названием "Введение в теорию диалектического материализма". В 1931 г. она вышла вторым изданием.

Алексей Константинович Столяров. Отмечу его работу "Диалектический материализм и механисты" 1930 г. Книга пользовалась большой популярностью.

Ограничимся приведенной краткой характеристикой указанных товарищей. Я мог бы продолжить этот список многими именами видных теоретических работников на разных участках науки, начиная с физики, продолжая медициной, химией, биологией, историей, политэкономией, прошедших школу "Общества воинствующих материалистов-диалектиков". Десятки крупных научных работников, павших жертвой сталинского террора, успели обогатить советскую науку ценными трудами. Они были уничтожены, не оставив после себя во многих случаях никаких следов, никакого даже воспоминания. Сталинский смерч смел с лица земли целое поколение научных работников - философов, историков, экономистов, правовиков, естественников и т.д.

Что касается меня лично, то я подвергся не аресту, а только "моральной" казни, которая подчас не лучше ареста. Так, в постоянной готовности встретить неожиданных гостей, я прожил двадцать два года. Однако последствия культа

личности я чувствую на себе по сей день, так как у нас имеется много любителей, которые, будучи сами неполноценными, находят удовлетворение в проработках. Считаю необходимым, в поучение другим, сказать то, что наболело за четверть века на душе. Для меня всегда являлся загадкой источник ненависти к нам и стремление во что бы то ни стало превратить всех товарищей во "врагов народа". Авторы этих гнусных обвинений гоголем ходят по советской земле, а "обвиняемые" давно исчезли с лица земли. В связи с этим надо подчеркнуть, что и те и другие являлись моими учениками. Я их воспитал марксистами, вывел, можно сказать, в люди. Но они не только точили зубы против меня, но требовали расправы со своим учителем. Самыми яркими моими врагами были мои же бывшие ученики, те, которых я обучал азбуке марксизма, и которые на моих плечах стали важными сановниками. Мне впервые приходится встретить такое злобное отношение учеников к своему учителю. Я думаю, что тому, как они со мною обошлись, невозможно найти второго примера. Достаточно сказать, что многие из них при встрече со мною не кланялись. Бывали случаи, что при встрече на улице натравленные на меня хулиганы позволяли себе толкать меня и были не прочь и побить. Часто раздавались телефонные звонки, и хулиганы грозили мне тюрьмой: "Странно, что ты еще не под замком". Я чувствовал, что нахожусь где-нибудь в джунглях. Жаловаться некому, а сам бессилён что-нибудь предпринимать. Сам Сталин укорял своих подручных за то, что они не так бьют. "Разве так бьют, - говаривал он. - Бить надо до полусмерти!" Подобно тому как определенный сорт людей скрывал свое социальное происхождение, так многочисленные ученики мои скрывали, что я их учитель. Они никогда не скажут, что Деборин научил их марксистской грамоте. Подобно тому как в определенный период жизни и деятельности Сталина все, что когда-нибудь было сделано Лениным, приписывалось Сталину, так и философии, и вообще марксизму, обучал их не я, а Сталин. (стр. 126)

Сталинский метод руководства, в частности на теоретическом фронте, сталинская "духовная диктатура" не могли не озабочивать мыслящих людей, видевших более или менее ясно, куда ведет сталинский курс. Сталин стремился заменить Ленина не только в руководстве хозяйственной деятельностью, но и в умственной, духовной деятельности. Он возымел желание стать выше Ленина и как теоретик, как философ, для чего у него не было никаких данных.

Мы, работавшие под руководством Владимира Ильича и при его жизни, имели возможность проводить сравнение между ним и Сталиным. Ленин руководил при помощи убеждения, прибегая к насилию только в исключительных случаях. Сталин же знал только *насилие*. В высшей степени знаменательно, что партийные лозунги "критики и самокритики", которые имели своей задачей улучшение работы, помощь трудящимся, в руках Сталина превратились в орудие уничтожения кадров. Для Сталина не существовало ошибок. Ошибка квалифицировалась как "преступление". Сколько хороших работ было забраковано, уничтожено по отзыву часто малокомпетентного рецензента. Автор сразу лишался всех прав и переводился в категорию штрафных. Единственное, что ему еще разрешалось - это "признать свои ошибки", покаяться. Однако и признание "ошибок" вовсе не избавляло автора от сурового наказания: его уже не подпускали к ответственной работе, всячески третировали и постоянно напоминали о совершенном им "преступлении".

Об умственном и культурном уровне Сталина свидетельствует варварский метод уничтожения трудов людей, заподозренных в том или ином уклоне от того, что он, Сталин, считал истинным.

Нечего скрывать: Сталин ничего в философии не понимал. Я сомневаюсь, чтобы он когда-нибудь проштудировал по-настоящему хоть одну книгу Гегеля или Канта. Но ему это и не нужно было, так как он мнил себя величайшим философом, в чем его уверили не менее великие "философы" Митин, Юдин и другие. Сталин был провозглашен величайшим диалектиком. Он же оказался "творцом новых величайших философских ценностей, новых крупнейших философских обобщений". "Марксистский диалектический метод в трудах И.В. Сталина нашел высочайшее развитие", - учили нас сталинские подголоски. Разве это не возмутительно? Мы не можем обойти этот вопрос, зная уровень умственного и философского развития Сталина. Преследуя свои личные цели, сталинские подхалимы ставили его как теоретика выше Маркса и Ленина. Они были поставлены в такие условия, что могли безнаказанно заниматься плагиатом, доносами, провокациями и тому подобными почтенными занятиями. Сталин совместно со своими подголосками нанес огромный ущерб советской науке.

Во многих принципиальных вопросах Сталин отошел от марксизма. И это понятно, так как Юпитер сам издает законы. Он не обязан подчиняться другим. Юпитер не имеет обыкновения соприкасаться с простыми людьми, он возвышается над ними. Он, подобно оракулу, изрекает свою волю. Но эти оракульские изречения не делались публично, а келейно, так, что всегда можно от них отказаться. Его подголоски распространяют их по миру в виде так называемых "секретных информации". Таких "секретных информации" было видимо-невидимо.

Его оракульское изречение, будто немецкая классическая философия представляет собою аристократическую реакцию на французскую революцию XVIII столетия и французский материализм, было объявлено гениальным: известно, что все, что исходило от Сталина, считалось гениальным. Это изречение противоречит основным взглядам Маркса, Энгельса и Ленина, которые утверждали, что без немецкой классической философии не было бы научного социализма. Но что Сталину до этого! Он - абсолютный авторитет и законодатель во всех областях человеческого знания.

Но, с другой стороны, это его изречение, как и ряд других, свидетельствует о его полном незнакомстве с предметом, о котором он с такой самоуверенностью говорил. Оно находится в вопиющем противоречии с историческими и логическими фактами. Немецкая классическая философия явилась результатом всемирно-исторического процесса развития науки и общественных отношений. Великая французская буржуазная революция XVIII столетия сыграла в этом процессе большую роль. Диалектика явилась результатом, с одной стороны, развития естествознания. С другой стороны, диалектика представляла собою обобщение социально-политических событий всемирной истории. Основоположником диалектики в истории новой философии явился Кант. Этот "аристократ" - сын седельника. Его продолжатель Фихте - второй "аристократ" - был сыном бедного ремесленника. Гегель - третий "аристократ" - был сыном чиновника, занимавшего должность секретаря казначейства. Кант, Фихте, Гегель восторженно приветствовали Французскую революцию и остались верными ей до конца. Они не отрелись от революции даже в виду якобинского террора.

Кант по поводу Французской революции писал: "Пусть революция этого великого народа окажется удачной или неудачной, пусть она сопряжена с такими бедствиями и ужасами, что благомыслящие люди никогда не решатся повторить подобный опыт; важно, однако,

то, что эта революция встречает во всех зрителях, не замешанных в ней, такое сочувствие, которое граничит с энтузиазмом, хотя это проявление сочувствия связано с опасностью". Такие явления, как Французская революция, пишет Кант, в человеческой истории уже никогда не забываются. Она доказала способность человечества к прогрессу, и если бы даже преследуемые революцией цели не были достигнуты, если бы даже она потерпела полное крушение, то она не теряет своего значения как событие, на основании которого можно предсказать будущие судьбы человечества. И Кант ставит теоретический вопрос о том, возможно ли вообще историческое предвидение. И отвечает: возможно. Порукой служит Французская революция, которая одна является историческим симптомом, выражающим тенденцию поступательного движения человечества и способность его к прогрессивному развитию. Это событие, говорит он, слишком значительно, слишком переплетено с интересами человечества, чтобы при соответствующих благоприятных обстоятельствах не пробудилось у народов желание к повторению его.

Диалектика Гегеля не только не представляет собою аристократической реакции, а наоборот, является дальнейшим развитием законов движения общества, открытых Гегелем во французской революции.

Одно время под "подозрение" подпали "Философские тетради" Ленина. Сталин игнорировал "Философские тетради" Ленина, в которых развита подлинная теория диалектики, состоящая, правда, из отдельных разделов, а часто даже из афоризмов, но внутренне связанных между собою и образующих в целом замечательное произведение по теории диалектики. Сталин, следовательно, не принял диалектики Ленина.

Из "секретных информации" мы узнали, что Юпитер недоволен "гегельянством" Ленина, и что он рекомендует не пользоваться философскими комментариями Ленина к "Науке логики" Гегеля, мол, Ленин делал эти записи для себя. Я много занимался Гегелем для лучшего понимания марксизма, как этого требовал, между прочим, Владимир Ильич. Еще до появления в печати конспекта Ленина на "Науку логики" Гегеля мною была проделана значительная работа по материалистической переработке гегелевской диалектики. Когда позже появились работы Ленина, я был счастлив убедиться в том, что я шел тем же путем, что и Владимир Ильич. Но кое-кто, как по своему невежеству, так и по особому личному интересу, не имея представления ни о философии Гегеля, ни о глубине марксизма, был заинтересован в том, чтобы опорочить меня как "гегельянца". Я получил полное удовлетворение, когда стало известно, что и Ленин квалифицируется как "гегельянец". Но говорить так о Ленине вслух никто не отважился. Другое дело - Деборин. В течение долгого времени я фигурировал как "гегельянец".

В области философии марксизма пишущий эти строки в свое время пользовался значительным именем, и не только у нас, но и за границами нашей страны. Пожелав стать "философом", Юпитер считал нужным ликвидировать предварительно меня. И мне было объявлено, что в области философии, как и в других науках, у нас имеется - слава Аллаху! - один авторитет, и Вам нечего претендовать на ту роль, которую Вы играли до сих пор. По правде сказать, я никогда ни на что не претендовал: я был (*стр. 128*) скромный профессор философии, писал книги и строил ученые учреждения - все институты общественных наук были созданы при моей помощи или по моей инициативе. Но я никогда этим не похвалялся. Насколько Юпитер, при всем его желании стереть с лица земли мое имя и мои работы, ценил в то же время мою научно-организационную деятельность, видно из того, что через три года после осуждения меня как ученого он утвердил меня в качестве главы и руководителя всех учреждений общественных наук - академиком-секретарем Отделения общественных наук АН СССР. Последовательно? Правильно? Ему важно было, чтобы я не писал, не творил, а там уже было ему все равно.

В высшей степени характерно, что он остерегался выступать публично по вопросам марксистской философии. И правильно делал, так как, в отличие от Ленина, который всю жизнь интересовался и штудировал классиков философии и даже второстепенных философских писателей, Сталин был полный профан в области философии. То же самое относится и к области наук исторических. Этим и объясняются те грубейшие ошибки, которые он делал в этих областях знания. Кое-что я мог бы привести из личного опыта. Юпитер был мало сведущ в науках, абсолютным авторитетом которых он претендовал быть.

Куль личности Сталина нанес огромный ущерб советской науке. Он обошелся во множество человеческих жертв среди научных кадров, очутившихся на переднем крае "боевого фронта". Поход начался с так называемых "меньшевиствующих идеалистов", т.е. с подлинных ленинцев, стоявших Сталину своей преданностью ленинизму поперек горла. Их надо было убрать, что и было выполнено при помощи его подручных, вопивших повсюду о "ленинском этапе" и проводивших в жизнь сталинский этап. Ведь факт, что, говоря о новом ленинском этапе в философии, они имели в виду сталинский этап. Под шумок о недооценке якобы Дебориным Ленина как ученого и мыслителя, они все делали для того, чтобы умалить значение Ленина. Не Ленин, а Сталин был провозглашен ими величайшим диалектиком. Если бы им действительно был дорог Ленин и его взгляды, они бы должны были приветствовать и радоваться, что мы так любовно изучаем Ленина. Однако в дальнейшем мы убедимся, что поход против Деборина и его "школы" на самом деле был предпринят с целью умаления значения и роли Ленина в области теории. Чем громче они кричали о новой ступени в марксизме, знаменующейся деятельностью Ленина, тем больше они фактически умалляли его значение. Крики о "новой ступени" представляли собою только маскировку. Нет ни одной работы этих "критиков", в которой вразумительно были бы изложены, в противовес Деборину, основы новой ступени в марксизме, сотворенной Лениным. Они носились как с писаной торбой с совершенно абстрактным тезисом о "новой ступени", но в обоснование "своей", заимствованной у меня идеи они ровно ничего не в состоянии были привести. Кроме общих фраз, мы ничего не узнали. Зато эти молодчики ревностно потрудились над критикой Ленина и умалением его роли.

Можно было бы привести множество доказательств в пользу нашего утверждения. Вот что писал П. Ф. Юдин: "Если говорить о теории научного коммунизма, как о современной теории, которой вооружены наша партия и коммунистические партии всего мира, то в своем современном виде эта теория в громадной степени развита товарищем Сталиным" (Юдин П. Ф. Развитие И. В. Сталиным теории научного коммунизма // Иосифу Виссарионовичу Сталину - Академия наук СССР. М., 1949. С. 66). В этих строках Юдиным дано обоснование сталинизма. Ленин якобы устарел, о нем пора забыть. Сталин воплощает в себе якобы всю науку и всю мудрость.

Считалось, что популярный художественный очерк Сталина "О диалектическом и историческом материализме" призван заменить работы Энгельса и Ленина. А между тем, сталинский "труд", который был разрекламирован сталинцами как самое гениальное произведение о диалектике и как великая "энциклопедия марксизма" (определение Митина), как вершина человеческой мысли, представляет собою пересказ некоторых мыслей Энгельса и Ленина, причем из 200 строк текста около 100 строк - цитаты. В очерке нет ни одной самостоятельной мысли. Надо же, наконец, высказать то, что давно наболело на душе. Сталин извратил марксистско-ленинскую диалектику, вы- (стр. 129) бросив в своем суверенном презрении за борт один из самых существенных законов, которому Маркс, Энгельс и Ленин придавали особое значение - закон отрицания отрицания.

Подголоски Сталина изображали его как универсальный ум, охватывающий все области человеческого знания. Непосвященным в науку людям могло казаться, что это действительно некий феномен, превосходящий всех людей, в частности Ленина. А в этом и заключался сокровенный смысл всей кампании против ленинизма. Дело объяснялось очень просто: все великие научные открытия и революционные завоевания и достижения Ленина без зазрения совести приписывались Сталину. Оруженосцы Сталина из кожи лезли, чтобы возвысить Сталина над Лениным.

Монополист марксистской философии в эпоху Сталина М. Б. Митин на XVIII съезде ВКП(б) заявил, что Ленин в книге "Государство и революция" не мог ответить на вопрос о коммунизме во всей его конкретности, а Сталин дал окончательную теорию коммунистического государства (XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). М., 1939. С. 602). А может быть, Ленин в 1917 г. не счел нужным конкретизировать вопрос о коммунизме ввиду его преждевременности. Но Митин знает, что Ленин *не мог*, а вот Сталин *смог*. Митины тоже "могли" безнаказанно клеветать на Ленина, разумеется, при могущественной поддержке Сталина.

Этого мало: если уж врать, так врать. Величайшим философом и диалектиком всех времен и народов был объявлен Сталин. Так, Митин писал (бумага все стерпит): "То, что сделано И. В. Сталиным в развитии марксистского диалектического метода, в теоретической трактовке его основных черт, в диалектическом анализе всех вопросов новой исторической полосы, это *вершина* в развитии марксистской философии. И. В. Сталин поднял на новую, высшую ступень марксистский диалектический метод, обобщая новейший исторический опыт, накопленный развитием общественных и естественных наук" (Митин М. Б. Сталин - великий мастер марксистского диалектического метода // Иосифу Виссарионовичу Сталину - Академия наук СССР. М., 1949. С. 95). Все, что Митин нагородил по адресу Сталина, является бесстыдной ложью, фальсификацией марксизма-ленинизма, проявлением чудовищного подхалимства. Ленин был низведен Митиным и его друзьями на уровень посредственного ученика Сталина.

Спору нет, Митин и другие его друзья кое-чему у меня научились, но только употребили свои не очень, правда, большие знания во вред науке, во вред марксизму-ленинизму. Хотел бы я знать, какие категории открыли Митин или Юдин. Я не стесняюсь сказать, что то, что имеет какой-нибудь смысл у моих противников, заимствовано у меня, и я не в претензии, потому что я же их учитель.

Дорогой недруг Митин! Вы повинны во многих грехах и даже преступлениях Сталина. Я учил Вас лучшему, несмотря на то, что у Вас хватает смелости меня обучать ленинизму. Очерк "О диалектическом и историческом материализме" написан при Вашей просвещенной помощи. Как же Вы посоветовали Сталину писать о "чертах" диалектики и "чертах" материализма? Достаточно сопоставить сталинские чахоточные четыре "черты" диалектики с шестнадцатью "элементами диалектики" Ленина, чтобы убедиться в том, как Сталин обкорнал марксистско-ленинскую диалектику. Я много работал над ленинским наследством, я и мои ученики - речь здесь идет о других моих учениках, о тех, которые стали жертвами Вашей травли, Вашего гнусного карьеризма. Кто еще Вас так хорошо знает, как я? Ведь было время, когда Вы были со мною более или менее откровенны и говорили, что пойдете не по научной линии, а по партийной, и надеетесь, что, когда попадете в ЦК, то будете гарантированы от проработки. Таков был Ваш идеал!

Вы написали восторженный отзыв о моей книжке "Ленин как мыслитель", а несколько позже Вы не постеснялись путем всякой клеветы и лжи опорочить первую и единственную в то время популярную книжечку о Владимире Ильиче, в которой впервые

давалось цельное представление о мировоззрении великого вождя мирового пролетариата, книжечку, имевшую большой успех и переведенную чуть ли не на все языки, включая китайский, японский, новогреческий, армянский, тюркский и т.д. Если бы (стр. 130) Вам действительно был дорог марксизм-ленинизм, то Вы бы поняли, что книжка, на которой воспитывались в идеях коммунизма миллионы трудящихся, заслуживает более осторожного подхода, тем более, что Вы прекрасно сознавали, что Вы лжете, что Вы все это делаете из соображений чисто эгоистических, деликатно выражаясь. Я хорошо знал все Ваши помыслы еще тогда, когда Вы только начали свой гнусный поход под руководством Сталина. Вы, если верить тогдашним слухам, требовали от Сталина моего ареста, не удовлетворившись арестом и репрессией моих настоящих учеников, тех учеников, которые из-за чечевичной похлебki не отреклись от своих убеждений.

После смерти Ленина встал вопрос об изучении и разработке ленинского духовного наследия. Этим делом занялся я с моими учениками. Книгу о материалистической диалектике написали не Вы, а "деборинец" Н. А. Карев, один из талантливейших молодых партийных ученых, который пал по Вашему доносу жертвой в качестве мнимого террориста. То же самое относится и к Я. Э. Стэну - также, по Вашей квалификации, "террористу", написавшему большой труд о диалектике, забранный при аресте и исчезнувший. Большую книгу "Гегель. Маркс. Ленин" написал И. Я. Вайнштейн. Она вышла в свет, но исчезла после ареста автора. Я мог бы привести и ряд других серьезных исследований о ленинском вкладе в марксистскую науку. О художествах Митина и его друзей говорят красноречиво следующие замечательные по своей "ученой" сущности строки: "Карев, один из непосредственных организаторов убийства Сергея Мироновича Кирова, Стэн, один из руководителей подлейшей двурушнической террористической группировки Шацкого - Ломинадзе - Стэна, не менее десятка других участников троцкистско-зиновьевской шайки - вот кем оказались руководители и кадры меньшевистствующего идеализма" (Митин М. Б. Боевые вопросы материалистической диалектики. М., 1936. С. VI).

В своей книжке о Ленине я дал определение ленинизма как революционного марксизма эпохи крушения империализма и рождения социализма. Мое определение предшествовало определению Сталина. В начале тридцатых годов на страницах журнала "Под знаменем марксизма" завязалась небольшая дискуссия по вопросу о приоритете в отношении этой формулировки. Причем тогда открыто писалось, что это определение принадлежит мне. Напечатанные в то время статьи являются нелицеприятным свидетельством этого.

Когда в 1930 г. началась проработка Деборина, то Митин и его группа при поддержке своего патрона Сталина бросили мне упрек, что я, де, рассматриваю Ленина только как практика, а не как теоретика. Порою мне казалось, что моими так называемыми противниками руководила не только одна злая воля, но и неспособность понимать ход мыслей автора. В самом деле, обвинение меня в отрыве теории от практики не имело под собою никаких оснований. Напротив того, я подошел совершенно оригинально к этому вопросу, определив теорию марксизма как практическую по самому своему существу. Теория и практика у меня слиты воедино. Я писал: "Вся теория марксизма есть теория изменения мира. Поэтому эта теория, по преимуществу, практическая, она направлена почти исключительно в сторону изучения законов изменяющегося мира с тем, чтобы сознательно изменять его в согласии с законами его развития. Ленин был величайшим практическим материалистом, т.е. философом практической борьбы за изменение действительности, опиравшимся при этом на теорию материализма, на ту философию, которая исходит из материалистического понимания природы, человека и истории" (Деборин А. М. Ленин как мыслитель. М., 1929. С. 7).

Цитируя мои слова, Митин задает мне вопрос: "Где тут роль Ленина, который поднял марксизм, и практический, и теоретический, на новую высшую ступень? Где, наконец, роль Ленина как философа-марксиста?" (Митин М. Б. Боевые вопросы материалистической диалектики. М., 1936. С. 6). Ловкий фальсификатор шумит по поводу того, что я игнорировал "Философские тетради" Ленина, зная, что моя книжка вышла до опубликования "Философских тетрадей". Но он хорошо знал и то, что мог писать что угодно, а ответа не будет, так как критикуемому автору сталинским методом руководства категорически запрещались какие бы то ни было возражения. (стр. 131)

Обвинение в отрыве теории от практики, вошедшее в сталинское постановление от 25 января 1931 г., совершенно не соответствуют моим работам, которые проникнуты прямо противоположной идеей, положенной мною в основу моего понимания марксизма-ленинизма. Подчеркнув, что диалектика есть душа марксизма - мысль, высказанная Энгельсом и Лениным и почему-то приписываемая подхалимами Сталину, я далее разъясняю: "Действительность в свете диалектики представляет собою процесс возникновения и уничтожения, получающий соответствующее отражение в наших представлениях и понятиях, равно как и в нашей практической деятельности. Объективная действительность, осознание этой действительности и практическое наше воздействие на нее, т.е. активное изменение человеком изменяющейся действительности на почве познания процесса ее изменений, - вот те звенья, которые диалектически объединяются в синтетическое целое. Практика в этом нашем понимании составляет диалектический синтез объективной действительности и субъективного познания ее. Марксизм самую практику поднял на теоретическую высоту, сделав, вместе с тем, теорию необходимым элементом практики" (Деборин А. М. Ленин как мыслитель. М., 1929. С. 60). Опять-таки, никто до меня, кроме основоположников марксизма-ленинизма, не дал такого четкого и определенного обоснования взаимоотношения теории и практики, как пишущий эти строки, и, тем не менее, или, вернее, именно потому, мои противники, у меня всему этому научившиеся, считали нужным проработать меня.

Учеба у меня не пошла Митину на пользу. Он шумел по поводу ленинского этапа в философии, не будучи в силах обосновать своими словами этот тезис. Но это был мой тезис. Говоря о ленинском этапе, он повторяет сказанное мною в популярной брошюре. Всю свою премудрость, которой он щеголяет в проработке Деборина, он заимствовал именно у Деборина. Все пункты обвинения взяты у меня, и он меня же поносит. Мои противники видели необходимость подвергнуть критике Деборина и по вопросу о взаимоотношении диалектики, логики и теории познания. Деборин, де, "не понял"... Обычно, как известно, понимают только критики, а критикуемые ничего не понимают. И вот, оказывается, что и по этому вопросу я дал правильный марксистский ответ все в той же первой книжке, посвященной Ленину.

Митины, юдины и проч. гордо гарцевали на коньке: "Марксизм есть революция в философии, а Деборин не понимает этого". А между тем и этот бесспорный тезис был заимствован у того же ненавистного Деборина. В той же книге я пишу: "Историческая преемственность или непрерывность философской мысли обусловили отчасти тот революционный переворот в области научной методологии и общего мирозерцания, который суждено было совершить Марксу. Идеалистическая диалектика, вступив в противоречие со своими собственными основами, превратилась в свою противоположность - в материалистическую диалектику" (Деборин А. М. Ленин как мыслитель. М., 1929. С. 58 - 59).

Мои недоброжелатели вопили на весь мир, что Деборин - гегельянец, и что для него марксизм и гегельянство тождественны. Я же писал: "Революционная

диалектика марксизма тем и отличается от диалектики Гегеля, что она совершенно немислима без материалистического понимания истории и природы. Она не представляет собою чего-то самостоятельного, совокупности категорий, стоящих вне действительности или над ней. Эта особенность марксизма делает материалистическую диалектику качественно отличной от диалектики идеалистической, несмотря на то, что она исторически является продолжением последней (Деборин А. М. Ленин как мыслитель. М., 1929. С. 58). Есть такие "ученые" мужи, которые стыдятся хотя бы самого отдаленного "родства" с немецкой классической философией и, в частности, с Гегелем. Если Маркс, Энгельс и Ленин не чурались этого родства, то и я не вижу оснований для такого "отчуждения". Произошла любопытная метаморфоза. В результате проработки Деборина как "гегельянца" и "идеалиста" в нашей философской литературе был совершен полный отрыв марксизма от всего предшествующего хода развития науки и философии. (стр. 132)

Чрезвычайно важный в историческом и политическом отношении факт: после того как Деборин был "разъяснен" и сошел с общественной арены, чего они так страстно домогались, мои недоброжелатели совершенно забыли о Ленине, единственными поклонниками которого они себя выставляли. Надо же, наконец, сказать правду. Читатель видит, какие основания были у моих недоброжелателей обвинять меня в недооценке Ленина как философа и ученого. Присвоив себе, путем грубого захвата, мои характеристики Ленина, они вопили: "Деборин отрицает ленинский этап в философии", надеясь, и не зря, нажать капиталец таким путем. Они бесстыдно повторяли мои формулировки и противопоставляли их мне. Лучшим выходом из создавшегося положения было изъять книги Деборина из обращения, запретить читать его работы. Тогда уж, наверное, можно будет приписывать ему все, что угодно.

Мои работы были изъяты из обращения по воле сталинских сатрапов. Мои книги можно было иметь в Китае, в Японии, в Германии, в Англии, но у нас их до сих пор нет в книжных лавках, несмотря на, то что среди них были и изданные по прямому распоряжению Владимира Ильича. Сталин не ограничился изъятием моих книг. Еще надо было исключить мое имя из справочников и словарей, словом, стереть мое имя с лица земли, что ему в значительной степени удалось. "Большая советская энциклопедия" (второе издание) не сочла возможным поместить статью обо мне, не говоря уже об именах погибших, среди которых были академик АН СССР И. К. Луппол и член-корреспондент АН СССР Б. М. Гессен. Зато пробравшиеся на высокие посты сталинцы украшают страницы "Энциклопедии". О них написаны лестные статьи, снабженные фотографиями. Вопреки тому, что их "заслуги" выражались в извращении марксизма-ленинизма, о них говорится как о теоретиках, развивавших философскую науку и внесших вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма. Я состою членом АН СССР в течение тридцати двух лет, работал рука об руку с Президиумом Академии, но мне давали чувствовать, что я, по существу, им чужой, несмотря на огромную научную и организационную работу, мною проделанную.

Мне лично приходилось давно указывать на то, что Маркс, Энгельс и Ленин забыты в течение почти тридцати лет, но это я мог сделать в очень узком кругу. Когда после смерти Сталина на докладе в АН СССР, впервые за многие годы мне разрешенном по случаю сотой годовщины со дня рождения Г. В. Плеханова, я публично с гневом обрушился на тех, кто довел нашу идеологию до забвения основоположников марксизма-ленинизма, то

хотя доклад был встречен бурей аплодисментов, к печати он не был разрешен, по-видимому, в угоду митиным.

В 1954 г. я представил сборник моих старых работ, опороченных и оплеванных - отчасти по их неграмотности - сталинцами. Том лежал без движения четыре года, никто не удосужился посмотреть его содержание. После долгих хлопот мне удалось добиться назначения комиссии из философов, отчасти - моих старых проработчиков, для проверки книги на предмет соответствия марксизму-ленинизму. Комиссия не нашла в моих работах никаких "уклонов" или ошибок, и только тогда том был разрешен к изданию, и то с оговоркой, чтобы он не был назван "В защиту диалектического материализма". И я вынужден был дать иное название. В этой "рекомендации" я тоже вижу руку митиных и их покровителей - по старой, сталинской, памяти. Это в порядке вещей! Монополия на марксизм и диалектический материализм принадлежит Митину и его дружкам.

Суть борьбы двух течений в советской философии состояла в стремлении наших противников подменить ленинизм сталинизмом, против чего мы ожесточенно боролись.

Таков исторический и политический смысл развернувшихся на "философском фронте" событий в тридцатых годах, событий, послуживших введением в период культа личности Сталина. Мне пришлось сыграть в этой трагедии тяжелую роль. *(стр. 133)*